

ТАНТРИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

Перевод фрагмента из книги: Padoux A. Comprendre le tantrisme. Les sources hindoues. Paris, 2010. P. 261–280. Автор перевода: Андрей Игнатъев

Поскольку индуизм на протяжении столетий подвергся значительной «тантризации», представления и практики, присущие Тантре, составляют часть того, чем он является сегодня. Мы иногда попутно подчёркивали, что древние тексты не принадлежат только прошлому. Они образуют всегда живую историческую основу, скрытую под нынешней действительностью, хотя те, кто использует их в своей частной жизни или соприкасается с ними в храмах, могут и не отдавать себе в этом отчёт.

Многие индуистские обряды и некоторые представления берут начало из тантр, но тантризм присутствует только в случае, если эти практики тантрического характера соединены с представлениями этого же рода. Между тем, в наше время в большинстве случаев эти два элемента не присутствуют вместе. Сказать, что здесь налицо пассивный или бессознательный тантризм, было бы пойти слишком далеко: имеются только тантрические элементы в контексте, который не является таковым. Присутствие этих элементов всё-таки достигает такой степени, что необходимо это отметить. Но также в Индии имеются храмы, группы аскетов или даже круги или целые области, где процветают практики, открыто представляемые как тантрические. Они признаны в качестве таковых и являются частью повседневной жизни. В этом случае с другой позиции они могут также оцениваться негативно, даже осуждаться: эти два подхода к данному вопросу добавляются к общему двойственному аспекту – игнорируемому или признаваемому – нынешней реальности индийского тантризма, хотя два этих аспекта не всегда выделяются.

Наряду с этим подчеркнём, что когда древние тантрические элементы сохраняются, они присутствуют уже в новом, современном мире, отличающимся от мира предшествующих веков, а это изменяет как их форму и использование, так и смысл. Нынешний тантризм не может быть точно таким же, как и прежний, который к тому же в значительной степени эволюционировал на протяжении столетий, потому что живая традиция находится в постоянном процессе изменения.

От бессознательного или мало ощутимого квази-всеприсутствия...

Специалист по тантризму, занимающий позицию внешнего наблюдателя, может лишь констатировать квази-присутствие тантрических элементов (практик или представлений) в современном индуизме. Дает ли это ему право сказать, что современный индуизм «тантризован», в то время как практикующие его индусы чаще всего не видят в нём ничего тантрического? Именно этот вопрос можно поставить. Но посмотрим на несколько несомненных фактов. Прежде всего именно в религиозных обрядах и практиках и в сохранившейся в живой форме иконографии повсюду присутствует, хотя и не всегда воспринимается в качестве таковой, тантрическая основа.

Обрядность

Касаясь этой сферы, надо сначала напомнить, что пуджа, почитание божеств, такая, как она совершается в храмах и такая, как её выполняют верующие ритуалисты, осталась в основных чертах, в своей общей структуре, составляющих элементах (ньяса, мудра, мантры, мантры, мандала и т.д.) и целях в том виде, как мы ее описали в 8-й главе. Стало быть, пуджа является тантрической в своей форме, даже если она не обращена к тантрическому божеству.

И также дело обстоит в отношении прочих ритуалов: сектантской инициации (дикша) в шиваизме и панчаратре, погребальных обрядов, искупительных обрядов, обрядов, связанных с возведением и освещением храмов, установкой или разрушением почитаемых образов и т.д. в этих двух традициях. Они не представляют, конечно, весь индуизм, но именно их правила соблюдаются в крупных храмах, и некоторым из них не перестают следовать в различной степени в других местах – настолько, конечно, тщательно проводятся обряды, так как текущая пуджа, лишённая как таковая большей части святилищ, сводится, как правило, к сокращённой форме. А значит, то, что мы видели по этой тематике, ещё сохраняет значение, только обряды обычно в наши дни намного более просты, чем они были раньше (особенно так, как их представляли нормативные тексты, описывающие то, как это следовало делать, а не то, как это делалось на практике).

Это связано с тем, что внутренняя набожность с очень давних времён имеет тенденцию заменить обрядность, а также с тем, что тщательный ритуал плохо приспособлен к нуждам и образу мышления современных людей. У нас меньше, чем у людей былых эпох, времени для совершения долгих и запутанных обрядов. За отсутствием текстов или посвящения жрецы или другие служители часто к тому же не обладают способностями для этого; что же касается верующих, то они иногда не располагают необходимыми финансовыми средствами, так как некоторые обряды являются дорогостоящими. Обряды исчезают, наконец, потому что они не соответствуют духу времени. Профессия храмовой танцовщицы, девадаси, которую индусские реформисты давно осуждали, но которую терпели британские власти, в 1947 г. была таким образом запрещена властями провинции Мадрас (ставшей затем штатом Тамилнаду). Такое желание избавиться от индуизма от «суеверных» или считающихся недостойными в современном мире практик вынуждало, как правило, запрещать жертвоприношения животных (которые всё-таки сохранились в Индии и

Непале) и привело к исчезновению или модификации некоторых других обрядов и практик.

В храмах, предназначенных ранее для чистых каст, служители остаются всё-таки – по крайней мере, в принципе – брахманами, инициированными согласно предписаниям агам, так как их монополия в недавнем случае даже была подтверждена гражданским судом, чьё судопроизводство британского происхождения, но который основывал своё решение на агамах. Тантрический характер обрядов, даже если он иногда смягчён, остаётся очень явным в шиваитских храмах. В храмах вишнуитов тантризма меньше, жрецы этих храмов часто являются вайкханасами, а значит, принадлежат к традиции, не являющейся тантрической, но всё-таки обладающей некоторыми её чертами. Само собой разумеется, есть много храмов, которые прежде всего в своей теологии не имеют ничего тантрического, даже если их культ включал некоторые практики, о которых нам известно, что они имеют тантрическое происхождение: тантризм, как было сказано, имеет место лишь в том случае, если действие определяется мировоззрением.

С другой стороны, мантры также всегда присутствуют в индуизме, так как связанная с ними практика значительно выходит за рамки сферы тантризма. Даже если мир меняется, «суеверия» сохраняются. Если есть тантрические мантры и другие, которые не относятся к таковым, различие между ними легко провести в области культа, где является тантрической мантра тантрического божества, но она не является таковой во всех своих прочих ампуа. Для того чтобы ответить на вопрос, является ли мантра тантрической или нет, меньшее значение имеет её форма, а большее – характер использования. С этой точки зрения, множество связанных с мантрами тантрических практик, которые мы описали, до сих пор выполняется в их традиционной форме, идёт ли речь о мантрах кундалини-йоги с её представлениями об имагинальном теле, джапе, амулетах и прочих физических «мантризациях» или различных магических обрядах, совершаемых с мантрами (будь ли то обряды искупления, исцеления или

чёрной магии). Наряду с этими практиками имеется также обширная литература, имеющая широкое распространение, научная или популярная, книги, руководства, брошюры на эту тему на всех языках Индии. В Южной Индии мантирикары или мантиравати, специалисты по этой области, являющиеся тантриками, остаются очень активными (6).

Как мы видели в 5-й главе, хатха-йога (или кундалини-йога) имеет тантрическую природу, между тем, ей занимаются люди, не обязательно являющиеся тантриками. Но имеются йоги-тантрики, к которым мы позднее вернёмся. В отношении того, что касается храмов и иконографии, мы видели, что большая часть божественных форм, почитаемых в индуизме, имеет тантрическое происхождение, и ссылки, которые мы давали на эту тему, сохраняют, как правило, значение и поныне: индуистский пантеон обогащался на протяжении столетий – новые божества появляются до сих пор, – но в основных своих чертах он оставался таким же. А значит, нет необходимости возвращаться к различным аспектам, которыми могут обладать эти божества, представляющие собой объект простого или сложного культа в храмах, святилищах и святых местах, – ими усеяны Индия и Непал.

Что до богов, Шива, очевидно, находится на переднем плане, будучи почитаемым во всех своих храмах и святилищах, у истоков Ганги, повсюду, где он появляется и где он манифестируется во всех своих формах, в особенности в грозной форме Бхайравы. Бенарес (Каши), как известно, это его город. Кроме его главного храма как Владыки вселенной, Вишванатха, и множества лингамов, у него есть здесь как у Бхайравы храм, имеющий важное значение для его почитателей, который часто посещают садху. Ему посвящены и несколько крупных храмов Юга: Чидамбарам, Тируваннамаллаи, Танджор, и др. Некоторые формы Вишну являются тантрическими; даже Кришна выступает тантрическим божеством для некоторых сахаджиев, сохранившихся до сих пор. Два тома Г. Бюнемана о тантрическом пантеоне (7), хотя и основываются на древних текстах, представляют заметную часть индуистского пантеона в той форме, в которой его почитают в наши дни.

Современная индуистская религиозность, конечно, предстаёт в образе бхакти, благоговения, которое a priori не является тантрическим, но бхакти и тантризм сочетаются без проблем: мы видели это в 9-й главе, исследуя древние тексты, и мы увидим это дальше на нынешних примерах. На сантов, этих поэтов-мистиков, всегда выступавших выразителями идей бхакти, идёт ли речь о Кабире, Джнандеве или других – оказали влияние натхи: тексты натхов обнаруживаются даже в Грантх Сахиб, священной книги сикхов – достаточно сказать... Констатируя это, я всё же не стану утверждать, что весь современный индуизм «тантризован», так как это было бы преувеличением. Но несомненно, что он во многих отношениях носит следы влияния Тантры, однако верующие, и это не менее несомненно, чаще всего этого не осознают.

...до различных признанных форм присутствия

И напротив, есть различные случаи, где действующие лица всегда осознают тантрический характер действий, которые они совершают, в которых принимают участие или присутствуют.

Мы видели, что индуистские князья (даже если ныне это деловые люди или политики) достаточно часто сохранили, если не власть, по крайней мере свою должность главного устроителя жертвоприношений в их прежнем княжестве, и стало быть, их место на крупных праздниках в храме, на который недавно опирался их трон, а божество этого храма может быть тантрическим. Таким образом, их до сих пор можно увидеть находящимися рядом с этим божеством во время наиболее важных празднеств – так бывает, например, в Пури на праздник Джаганнатха, вишнуитского божества, имеющего, однако, некоторые тантрические черты. Несколько махараджей всегда имеют рядом с собой тантрического раджгуру (так, например, в Гвалиоре). Также эта роль заметна в Гималаях, например, в Куллу, где вопрос о княжеском и божественном первенстве продолжает порождать ссоры и судебные процессы – и где именно храмовые служители или одержимые, связанные с храмами

различных богинь, призывая их, разбирают личные тяжбы или конфликты между деревнями. Божества тантрической природы (как правило, богини), населяющие гималайские долины, продолжают оставаться объектом постоянного культа в своих многочисленных святилищах, так как они опасны! В частности, в долине Куллу, представленные масками, помещенными на паланкины, каждый год процессией они отправляются на торжественные празднества, где собирается население.

Также в Гималаях есть Непал, который до мая 2008 г. являлся индуистским королевством, последним из сохранившихся. В этой стране как индуистские, так и буддийские культы носят тантрический характер; они связаны с укладом общественной жизни; они расставляют вехи в ходе ритуального года и размечают пространство. Некоторые включают значимые жертвоприношения животных, в особенности во время королевского праздника Дасаин в честь Дурги. В своих различных аспектах мир Тантры оставался вездесущим, глубоко укоренённым в непальской жизни. Неизвестно, что произойдёт теперь, когда Непал стал республикой, управляемой маоистами. Но можно полагать, что эта древняя цивилизация будет исчезать только понемногу, и некоторое время её элементы ещё будут сохраняться, особенно в традициях различных этносов, составляющих население страны. Без сомнения, сохранятся также многочисленные храмы, святые места и монастыри, индуистские и буддийские, некоторые из которых обладают большим значением и процветают.

... и до открытого и зримого присутствия

Открыто выставляемый напоказ тантризм, в частности, представлен некоторыми группами отрешившихся, аскетов и йогов-шиваитов, наследников древних традиций капалика и натха (которые, впрочем, составляют только маленькую долю от большого числа индийских садху). Самое заметное и организованное течение этих отрешившихся это, без сомнения, течение натхов (или натх-йогов), именуемых также канпхатами (или канпхатайогами),

«йогами с разорванными ушами», потому что они носят большое кольцо, вставленное в хрящ уха. Это продолжатели традиции натхов, чью древность и важность мы уже видели. Ныне их влияние не так велико, но они остаются активной общиной; верные учению хатха-йоги, которым они ранее обладали на манер монополии, они сумели приспособиться к современному миру, иногда даже обзаведясь клиентелой из числа деловых людей или патронируя медицинские учреждения. У них есть несколько центров, один из них в Горакхпуре (в Уттар-Прадеше), где находится храм Горакхнатха, их легендарного основателя; другой важный центр находится в Харидваре, где Ганга выходит на равнину; прочие расположены в Раджастхане и в Карнатаке. У натхов есть много святых мест, разбросанных по всему индийскому субконтиненту, от Ассама до Пакистана. Их святилища есть (или были) даже в Афганистане. Кажется, именно в Непале в наши дни в наибольшей степени ощущается присутствие натхов. В частности, здесь они располагают важным монастырём в Каугхера (в провинции Данг, граничащей с Индией), остающимся очень активным центром – этот монастырь недавно сделался объектом весьма интересного исследования (14). Любопытно, что этот монастырь, будучи посвящён культу Горакхнатха и Бхайравы, устраивает каждый год паломничество к соседнему храму Богини, в то время как натхи в принципе вовсе не являются шактами. Любопытно также, что главы монастырей натхов часто носят мусульманский титул пира. Также существуют странствующие натх-йоги, – таковых в наши дни едва ли насчитывается более нескольких тысяч. В Непале существует их разновидность, йоги кусле-капали, которые приняли образ жизни домохозяев и в наши дни составляют касту. Прежде мы указывали на связь натхов с суфийским исламом; следы этого ещё заметны в наши дни, например, у исмаилитов-сатпантхи Гуджарата, чьи священные песнопения, гинанс, наполнены индуистскими элементами, связанными в особенности с натхами.

Есть и другие разновидности тантрических садху, странствующих и оседлых – на них, как правило, смотрят как на магов, практикующих

трансгрессивные культы. К их числу принадлежат и те, кого обычно называют агхори. Их, являющихся почитателями Бхайравы, можно, в частности, встретить в Бенаресе, так как это божество особенно связано с данным городом. Они, несомненно, очень малочисленны.

Культ Богини – или богинь – заслуживают упоминания, в частности, по причине их важности в определённых областях. Не все богини являются тантрическими. Таковыми являются те, которые, будучи, как правило, грозными, обычно связываются с какой-либо формой Шивы. Это случай некоторых великих богинь: Кали или Дурги, храмы которых разбросаны по всей Индии. В Непале это Гухьешвари, где девять Дург (Навадурга) представляют объект важного культа. Также, как и в Индии, здесь присутствует почитание Трипурасундари. Можно было бы упомянуть и других, древних, богинь, таких как десять махавидий или сравнительно более недавних, близких к народным культам. Но также имеются многочисленные местные богини, выступающие объектом постоянного почитания, в частности, в гималайских районах. Это случай, например, грозной богини Хидимбы в Куллу или Вайшно Девы, формы богини Дурги, умерщвляющей демонов и почитаемой в подземном святилище в штате Джамму. Присутствие йогини, чью важность мы видим на заре тантризма, а затем в иконографии, теперь, кажется, не особенно заметно. Прежде всего, имеется множество мелких местных богинь, чьи святилища иногда лишены квалифицированного жреца, или вполне известные божества, привлекающие толпы к своему храму, который может иметь большое значение, таков, например, храм Минанши в Мадураи.

Исходя из всего этого, можно было бы говорить о большом влиянии Тантры, хотя культ, обращённый к этим божествам, очень часто редуцирован до такой степени, что его почти нельзя называть «тантрическим»: это, скорее, народный индуизм. Однако не всегда легко провести различие между народным культом и тантрическим, так как на практике они часто имеют много общего. Например, мы видим это в культе богини Йеламмы в Саундатти

(Керала), важном месте паломничества. Одержимость, черта, считающаяся, как правило, присущей народным культам, вполне может существовать в тантрическом контексте в наши дни, как и прежде – часто она упоминается в шиваитских тантрах. Каким же образом возможно провести различие между мистический союзом и одержимостью божеством?

Гуджарат и особенно Каччх это область, где Богиня в своих грозных формах (Кали, Дурга, Хингладж и т.д.) вездесуща, она проявляется здесь и как богиня страны (дешдеви), защищающая страну и монарха, и как кулдеви, богиня рода, покровительствующая княжескому клану и местных социальным группам, или проявляясь наглядным образом в образе дживан матаджи, живых богинь, воплощённых в определённых женщинах из касты чаранов – касты пастухов и певцов. Эта традиция и связанные с ней обряды находятся в очень живом состоянии, они образуют принципиально важный элемент сплочённости социальной системы. Некоторые из этих наиболее тантрических черт всё-таки имеют тенденцию смягчаться под влиянием «брахманизирующей» эволюции – впрочем, этот процесс в Индии заметен повсюду.

Область Индии, где тантризм вообще является наиболее распространённым, и где он явно признан в качестве такового, это, несомненно, Бенгалия; культ различных форм Богини встречается здесь повсеместно, так как бенгальцы вообще склонны считать Богиню своим верховным божеством, занимающим главенствующее положение над всеми прочими индуистскими божествами. Высшие касты в Бенгалии в большинстве своем представлены шактами, а ритуальной практикой, частным культом в семьях руководит тантрический гуру. Чаще всего почитаемое проявление Богини здесь – Дурга, губительница демонов, которой, помимо её обычного культа, торжественно поклоняются здесь каждый год осенью, во время Дургалуджи, особого праздника, важной составной части бенгальской религии. Наряду с Дургой, воспринимаемой прежде всего как благосклонное божество, также поклоняются десяти более внушающим страх, даже яростным

формам Богини, махавидьям. Первой из них является Кали, грозное божество (даже если она может восприниматься как Мать, полная нежности – каковой она была для Рамакришны, который был жрецом в одном из её храмов). Её крупный храм в Калькутте, Калигхат, ежедневно привлекает множество верующих; десятки молодых чёрных козлов приносятся здесь каждый день в жертву, чтобы умиловать её. Другие махавидии обладают меньшей значимостью, но иногда они внушают больше страха. Почитаются также местные богини, такие как Чанди или Манаса, богиня змей и т.д. Очевидно, что равным образом имеются и боги, в особенности, Шива, который здесь находится в очень подчинённом положении по отношению к Богине. Но он также воспринимается как Великий Йогин (махайогин), а стало быть, Наставник йогов, отрешившихся от мира маргинальных, если не трансгрессивных тантриков. Собственно говоря, не вписывающимся в привычные рамки течением в Бенгалии является и течение баул, этих бардов-мистиков, воспевающих славу «Человеку Сердца» (*maner manus*), чьи сексо-йогические обряды и определённые представления носят глубоко тантрический характер. Их феномен до такой степени необычный, что он охватывает также баулов-мусульман, факиров, чьи верования представляют собой смесь равно мало ортодоксальных ислама и индуизма.

Именно божества и практики этого последнего рода привели к тому, что, несмотря на вездесущность шактистских культов, тантризм у многих бенгальцев и прежде всего в общественном мнении приобрёл мало одобрительный имидж: это сфера тайных, пугающих и извращённых практик, недозволенного секса и чёрной магии. Таким образом обычно рассматривается и оценивается небольшая местная секта картабхаджа, представляющая собой форму народного тантризма, аналогичную в некоторых отношениях секте баул и привлекающую последователей из среды городских бедняков.

Керала, расположенная на юго-востоке Индии, это ещё одна область, где процветают тантрические культы, носящие глубоко шактистский характер. Здесь находится большое число храмов богинь – форм Кали, чаще всего

Бхадракали. Служители, принадлежащие к брахманским семьям высокого статуса, следуют в своей ритуальной деятельности предписаниям древних тантрических текстов. Стало быть, культы являются совершенно тантрическими, хотя практика в этих случаях относится к направлению «правой руки»: ничего трансгрессивного. Однако здесь также имеются храмы, чьи жрецы принадлежат к низшей касте и чьи культы могут включать жертвоприношения животных или иные «не вегетарианские» подношения. Большую роль здесь играет и одержимость божеством. Почитаются здесь и мужские божества, чаще всего это формы Шивы (божество, связанное с Богиней). В наше время получил развитие культ особого божества Айяаплана, нечто вроде мужского коррелята Дурги, приверженцами которого являются только мужчины, которым одним и позволено ежегодное паломничество в Шабарималу. Культы и обряды, как и применение мантр, обычно требуют использование мандал или янтр в их великом разнообразии. Связанные с мантрами практики сохранились в Керале в живом состоянии, к ним прибегают мантравади, почитатели разнообразных божеств (особенно местного бога Чаттана). Благодаря наличию у них магических способностей к ним обращаются в случае нужды. Деятельность мантравади в некоторых аспектах включает в себя традиционную медицину, а их адепты, как и повсюду в Индии, используют в своей практике мантры, диаграммы и амулеты. Керала славится своими ритуальными храмовыми представлениями, представляющими эпизоды их мифологии Богини перед многочисленной местной публикой. Если эта публика присутствует здесь в качестве зрителей спектакля, то для актёров все выглядит совсем иначе. Они долго готовятся и трепетно вживаются в свою роль, испытывая иногда даже одержимость божеством, которое они воплощают.

На основании их основополагающих текстов, их мантры, шривидьи и использования ими шричакры следовало бы считать также тантриками приверженцев Шривидьи, этой ведантизированной формы традиции Трипуры, которую мы рассматривали в 4-й главе. Их главный центр (матх) находится в

Шрингери (Карнатака), но есть и другой, также важный центр, находящийся в Канчипураме возле Мадраса. Именно в этом матхе проживают их духовные учителя, шанкарачарьи. Шривадья располагает также другими храмами. Между тем, эта совершенно ведантизированная, очень брахманическая традиция почти не является тантрической. В её храме в Бенаресе проживают санньяси дашанами, далёкие от того, чтобы быть тантриками. Однако традицию Шривадьи следует упомянуть здесь (несмотря на относительно небольшое число адептов) по причине её большой социальной заметности: шанкарачарьи обладают большим нравственным авторитетом и даже политическим весом (выступая с очень консервативных позиций) в обществе.

Эту школу также следует упомянуть и потому, что некоторые, особенно в США (где у неё есть адепты), считают её типично тантрической, в то время как она столь мало тантрическая, сколь это возможно.

Почти невозможно сделать обзор всех тех, кто в Индии именует себя тантриками или практикует разнообразные тантрические садханы, не имея какой-либо принадлежности к организованной группе, со связью с особой традицией или без таковой. Очевидно, имеются тантрические гуру – или чьё учение и практики носят тантрические черты, и у которых есть ученики. Недавно в Аллахабаде (Пряге для индуистов) существовала небольшая группа адептов тантрического гуру, проживающего в Джханаси. Этот гуру выпускал журнал «Кальян» и издавал небольшие брошюры, содержащие тантры, руководства по почитанию тантрических божеств или работы малого объёма по мантрашастре. Существует большое количество публикаций этого рода, которые можно, в частности, отыскать у входа в храмы, что позволяет предположить, что есть те, кто их приобретает и ими пользуется.

Изобилие подобных работ, издаваемых (для как для специалистов, так и для более широких слоёв образованной публики) университетами, исследовательскими центрами, или разнообразных шиваитских или вишнуитских тантр или других сочинений на санскрите, на различных видах индийской письменности, иногда с переводами (их перевод восходит к

«Tantric Texts» Джона Вудрофа / Артура Авалона, позволяет предположить, что вопреки негативному мнению, которое индийцы часто имеют о тантризме, среди них имеется определённое число тех, которые, если не практикуют его, то, по крайней мере, интересуются им. Кажется, что имеется – отчасти вследствие того, что произошло на Западе – новый интерес к тому вкладу, который внесли тантрические тексты в религию и философию.

Об этом свидетельствуют университетские исследования, наряду с публикацией множества текстов (и приложений к ним), а также деятельность различных личностей. Таков был случай, например, Гопинатха Кавираджа (1887–1976), который получил посвящение от йога-тантрика и считался в Бенаресе наставником шиваистов – его публикации на бенгали и хинди способствовали знакомству с учением (30). Что касается Кашмира, то духовная традиция Трики сохранилась и имела своим последним имеющим посвящение представителем Свами Лакшман Джу (1907–1991), исключительную и притягательную личность, которому много обязано нынешнее возрождение (как и её исследования на Западе) этой традиции. Недавнее создание в Бенаресе исследовательского центра и библиотеки (Samvidalaya Abhinavagupta Research Library), с целью проведения исследований и публикации работ по теме кашмирского шиваизма это один из признаков того, что в Индии развивается интерес к философской и духовной традиции, которая, несмотря на своё прошлое величие и огромное значения, оставалась там очень мало известной.

Все эти случаи, конечно, представляют не очень много по отношению к миллиарду индуистов субконтинента, но они заслуживают упоминания, поскольку показывают, что несмотря на ханжество прошлого и подъём интегризмов в наше время, некоторые индийцы могут признавать интеллектуальные достоинства тантрических традиций (индуистских, но также и буддийских). Заметим, что их всё-таки почти не признают профессиональные индийские философы, которые, ссылаясь на прошлое,

остаются пленниками мифа о Шанкаре, конечно, важном мыслителе, но чью значимость слишком часто склонны переоценивать.

Присутствие Тантры в Индии в наши дни также проявляется в образе новых сект или движений, которые, в отличие от виденных нами ранее, имеют связи с Западом, хотя они также представлены в Индии или существуют на её территории. Эти секты составляют часть новых религиозных движений, появляющихся повсеместно в мире. Воспринимая из тантрических традиций только подходящие для них элементы, они создают новые формы тантризма, приспособленные к современному миру, при этом их современный характер берёт начало с Запада, где они получают значительное развитие, как мы увидим в следующей главе. Вот три подобных примера.

Своеобразие «Ананд Марг» заключается в том, что она не была связана с какой-либо прежде существовавшей тантрической традицией. Она была основана в 1955 г. бенгальцем, которого ученики, адепты этого движения – их будет несколько тысяч в Индии и во всём мире, но они особенно многочисленны в Бенгалии – считали аватарой Шивы. Заявленными целями секты является «личная реализация», достигаемая следованием духовной тантрической дисциплине (тантрика садхана), ведущей к освобождению, а также служение человечеству. Характерной чертой реальной жизни «Ананд Марг» является всё-таки насилие, рассматриваемое как «сама сущность жизни», и фактически именно из-за насильственных актов (расправа в 1971 г. с шестью своими членами) это движение вообще стало известным. Таким образом, в Индии она в значительной степени поспособствовала тому, чтобы придать тантризму наихудший имидж – что, однако, не помешало ей сохраняться и даже развиваться.

Другое хорошо известное тантрическое движение из числа появившихся в Индии было основано Раджнишем (Бхагван Шри Раджниш) в 1974 г. в Пуне, неподалёку от Бомбея, где его ашрам принимал десятки тысяч посетителей, пребывавших прежде всего с Запада и привлечённых учением, которое могло называться тантрическим, поскольку оно утверждало, что

спасение следует достигать посредством всех чувственных наслаждений: «Человек, – утверждал Раджниш, – это одновременно душа и тело: следует удовлетворять и то и другое». Также он выступает убеждённым приверженцем капитализма: «Создание богатства это дело гения», и известно, что богатство он умел накапливать. Вернувшись в Индию после своего нахождения в США в 1981–1985 гг., он продолжил деятельность под именем Ошо, основав в Пуне «multiversite» и центр медитации, вдохновляемый таким же гедонистическим духом. Его также не покидало умение накапливать значительные средства, но отныне он избегал всего, что могло вызвать скандал. Эта организация пережила его смерть (в 1991 г.) и ныне образует центр обширной международной сети.

Наконец, можно было бы упомянуть центр, которым располагает «Сиддха Йога» в Ганешури (штат Махараштра), ставший последним пристанищем для Нитьяланды – учителя Муктананды, основателя этой организации. Доктрина, лежащая в основе учения этого центра, представляет собой модернизированную версию недуалистического кашмирского шиваизма, а значит, она в принципе тантрическая, хотя это совершенно американская организация. Налицо два аспекта изменений, могущих затрагивать тантрическое движение, когда оно возвращается в Индию, приняв на Западе новую форму, где его учения и практики были модифицированы в соответствии с нашими ценностями.